

18+

Сергей Попов

Ангел пролетел

*Провинциальные
зарисовки*

Сергей Попов
Ангел пролетел.
Провинциальные зарисовки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70305064
ISBN 9785006223189*

Аннотация

Что может быть в нашем провинциальном городе, когда прилетает Ангел. Все изменяется и, вы знаете, к лучшему. Даже Изольда Карловна не выдерживает и улетает на своем помеле.

Содержание

1	5
2	10
3	17
4	21
5	24
6	32
7	39
8	43
9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ангел пролетел Провинциальные зарисовки

Сергей Попов

© Сергей Попов, 2024

ISBN 978-5-0062-2318-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Настя тянула за руку упирающегося Васю, в другой несла сумку с продуктами. Надо было побыстрее попасть домой, скоро должны были прийти домашние: Наташа из музыкальной школы, Леша из кружка роботехники и муж из университета. Как всегда, придут голодные, их надо кормить, а дома, кроме пачки пельменей был только початый майонез. Поэтому Настя загодя сбегала в магазин, набрала сумку продуктов, потом забрала Васеньку из детского сада, и теперь с переменным успехом пыталась уговорить его идти быстрее. Васеньке очень хотелось остаться во дворе на детской площадке с такими же как он детсадовскими. Поэтому он всячески упирался, зная, что, пока не вернутся брат и сестра, дома будет скучотища. Мама запретится на кухне, изобретая необыкновенный ужин из обыкновенной сумки с продуктами. Канючить нечто наподобие: «Ма, оставь меня во дворе», – Вася считал не мужским поступком. Ему было уже шесть лет, скоро в школу, надо было блюсти реноме. Поэтому он выбрал стратегию «непротивления злу насилием», которую часто упоминал отец, разбирая детские конфликты сыновей. Вася не понимал, что это такое. Но его главный семейный авторитет (конечно, после родителей!) – сестра Наташа полностью поддерживала принцип, растолковывая его на примерах. Главное, что он вынес из этого (пока!): надо

мыть руки перед едой и чистить зубы перед сном. Это он делал с удовольствием, потому что можно было поплескаться вволю, утоляя жажду развлечений.

Настя тянула, Вася упирался и одновременно глазел по сторонам, в безуспешных поисках чего-то нового. За весь день в детском саду ничего интересного не произошло. Разве, что в игровой комнате появилась новая игра, но она оказалась мальчишески не интересной, и они отдали ее девочкам, проявив рыцарское благородство. А сами стали собирать из кубиков крепость, чтобы потом, перед обедом с грохотом ее разрушить. Получалась двойная польза – удовлетворялся зуд творчества, типичный для их возраста, и, тоже типичный, инстинкт разрушения. В поисках нового Вася поднял глаза, надеясь на березе увидеть павлина, попугая или, на худой конец, обезьяну. И тут он обомлел, по небу на высоте восьмого-девятого этажа шел человек. То, что это именно такая высота Вася представлял хорошо. Они жили на восьмом, а его лучший друг и вечный соперник Гарька – на девятом. Они часто стояли у окна, считая пролетающих ворон. Первый увидевший новую, прибавлял себе очко. У кого оказывалось больше, тот побеждал. Но тут была не ворона, а настоящий человек, в джинсах и голубой рубашке. Обувь Вася не рассмотрел, потому что сразу же завопил: «Мама, человек в небе!».

Настя, не отвлекаясь от основного занятия, – тянуть чайдо, недовольно проворчала: «Хватит придумывать небыли-

цы». Но тем не менее посмотрела в направлении, куда показывал не совсем чистый палец сына. После этого произошло сразу несколько событий. Во-первых, она выпустила руку сына. Во-вторых, остановилась. В-третьих, выронила сумку, подумав, что этот человек сейчас упадет, но не подумав, как он туда попал. Действительно, над ними совсем недалеко, по небу шел человек. Именно шел, как ходят самые обыкновенные люди по самому обыкновенному тротуару. Он даже повернулся и посмотрел на них, но, похоже не придав встрече никакого значения. Было похоже, что он не считал свое передвижение чем-то особенным, и поэтому встрече с прохожими не уделял внимания. Человек шел довольно быстро и вскоре скрылся за крышей близлежащего дома.

Оба начали тереть глаза. Но видение не повторилось. Вася очнулся первым: «Мама, это кто?». Настя подхватила сумку в одну руку, Васю в другую и быстрее обычного устремилась домой. Там она, в профилактических целях выпила рюмку коньяку, а Васе, по той же причине, дала две шипучих таблетки витамина С.

Потом сказала: «Вася, нам лучше никому не говорить, что мы видели».

– Почему? – недовольно буркнул Вася. Он уже предвкушал свою победу над Гарькой, который только и может, что ворон считать. В последний раз Гарька насчитал ворон на две больше, и Вася не забыл своего поражения.

– Потому, что это, наверное, секретный военный экспери-

мент, а военные тайны выдавать нельзя, — произнесла мать, удивляясь, как может взрослый человек сморозить такую глупость. Потом удивление прошло, по телевизору глупости морозили еще круче.

— Хорошо! — согласился Вася.

— Ты обещаешь?

— Да! — уверенно сказал Вася, одновременно скрестив два пальца левой руки. Это был знак того, что говорящий освобождался от обещаний. Ему Васю в детском саду научила Розочка. Розочка знала толк в таких штуках. Она с гордостью говорила, что ее бабушка — цыганка, и может заколдовать кого угодно, превратив его, например, в деревяшку. И даже однажды принесла в детский сад деревянную расписную ложку, сказав, что в ложку бабушка превратила соседскую собаку, которая громко лаяла по ночам, мешая спать. На ложке, действительно, был изображен сказочный песик, и все дети подготовительной группы поверили Розочкиному рассказу.

Сама Настя несколько лукавила, потому что собиралась обсудить явление с Максимом — своим мужем, доцентом местного университета, знания которого выходили далеко за пределы преподаваемых им дисциплин. Но, наверное, она хотела уберечь сына от насмешек сверстников. Событие было неординарное и требовало осмысления прежде, чем стать достоянием общественности.

Несколько успокоившись после второй рюмки коньяка, Настя начала ваять ужин.

Когда Васенька вошел в свою комнату, то обомлел. Посередине комнаты была проложена железная дорога с изгибами, горками, туннелями, станциями, светофорами и растительностью по краям. По ней шустро бегали два поезда: товарный с пятью вагонами и пассажирский с тремя. Причем окна пассажирского поезда светились, и за ними угадывались пассажиры. Вбежав в кухню, Вася закричал: «Мама, мама, спасибо!» – полагая, что железную дорогу купили ему в подарок родители. Но, увидев ее, Настя была поражена не меньше Васеньки. Решили ждать папу, который всё всегда объяснял.

На открытой веранде кафе на улице Ленина (бывшей Болховской), превращенной в пешеходную зону, и очень популярной у молодежи города, сидел молодой человек лет тридцати с небольшим и с любопытством рассматривал окружение. Молодой человек ничем не выделялся из празднично шагающей толпы, одет был в джинсы, голубую рубашку, на ногах – кроссовки. Его немного выделяла небольшая борода. Окружение было, главным образом, безбородое. Глаза смотрели пылливо. Казалось, что его интересовали не только окружающие предметы и внешность людей, но он старался узреть за ними глубину.

Напротив веранды на небольшом возвышении располагалась нечто задернутое брезентом с надписью «Кинотеатр Победа». Скорее всего за брезентом проходили реставрационные работы. Выделялась экспозиция картин рядом с кинотеатром, однако, не привлекавшая внимания местной публики. Скорее всего, была рассчитана на туристов. Справедливости ради следует отметить в ней явное отсутствие шедевров.

Налево улица уходила вверх, была заполнена людьми, и особенными достопримечательностями не обладала. Правда там, на самом верху холма, куда вела улица, стоял памятник. Угадывался плотный мужчина с протянутой рукой. Молодой человек лишь скользнул взглядом по изваянию,

не проявив интереса. Судя по всему, он слабо представлял советский период истории страны. Иначе он обязательно обратил бы внимание кому был этот памятник. Но что делать! Нынешняя молодежь слабо знает классиков революционно-го движения и ранних лет истории Советского Союза.

Направо улица спускалась вниз к реке, через которую был переброшен длинный, широкий мост. Он сохранил свои отличительные черты послевоенной архитектуры, когда строили на века, и очень украшал город. Вдали, как бы паря над городом, поднимались золотые купола собора Михаила Архангела. Сейчас, в вечернем закате, своим блеском они создавали иллюзию, что парят в вышине. Если в летний солнечный день стоять посередине бывшей Болховской, то с ее высоты собор открывался во всей красе, производя сильное впечатление на приезжих. А их в городе, по определенным причинам, всегда было много. Все интересовались историей этого собора, и мало верили экскурсоводу, утверждавшего, что полвека назад в храме был хлебозавод. Такая красота, и вдруг – хлебозавод. Правда, добавляли экскурсоводы, хлеб на заводе пекли необыкновенный, и он был достопримечательностью города. В хлебных магазинах не залеживался.

К молодому человеку подошла официантка с вопросом: «Что вы хотите заказать?». Официантка выглядела изысканно, впрочем, как и все официантки этого заведения. Молодой человек попросил бокал Фалернского вина, чем заметно смутил девушку. Пообещав узнать, завезли ли этот сорт, она

исчезла. Через минуту к молодому человеку подошел официант, по уверенным манерам которого было ясно, что он привык поддерживать реноме заведения.

– Вы полагаете, что сегодняшний вечер следует провести с Фалернским? – спросил он.

– Я, как-то, привык к нему, но готов последовать вашему совету, – ответил молодой человек.

– Вы предпочтёте отечественное или импортное? – поинтересовался официант.

Чуть улыбнувшись, молодой человек ответил: «Отечество, когда-то обошлось со мной не самым лучшим образом. Давайте импортное».

Спустя минуту перед ним стоял бокал белого вина из бутылки, которую бармен заведения припрятал два года назад, вернувшись из Италии. Он берег её для самого почетного гостя. Как убедил официант бармена поделить его сокровищем, было непонятно. Тот и слышать о такой милости не хотел даже, когда заведение посетил сам губернатор. Конечно, инкогнито. Но его сразу узнали, в том числе, по большой группе сопровождающих. Это была очередная «вылазка в народ», которые губернатор устраивал два раза в год, сопровождавшиеся панегириками в местных СМИ. Губернатору дали пива за счет заведения, а сопровождающим – пива на выбор, но за собственный счет. Сопровождающие были явно обескуражены. Впрочем, это не оригинально. Они уже были обижены самой жизнью, и повышали самооценку,

сдувая пыль с высокопоставленного пиджака. Одновременно убеждая себя, что не каждому такое доверят.

Молодой человек, отпив глоток и оценив вино, продолжил наблюдение. Было заметно, что его привлекают люди, а не архитектурные особенности пешеходной зоны. Хотя и тут было на что обратить внимание. Он провожал взглядом каждую мало-мальски примечательную личность. И когда человек ему нравился, на лице появлялась слабая улыбка, как от едва возникшей, но хорошей мысли. Так мы улыбаемся, стоя перед глубоко запавшей в душу картиной, и не отрываясь, долго смотрим на нее. Потом очнувшись, переходим к другой, и улыбка исчезает, потому что увиденное не согласуется с прежним ощущением.

Неожиданно появился официант.

– Вы, наверное, приезжий? – спросил он.

– Да, вы угадали.

– Иностранец?

– В некотором роде, – улыбнулся молодой человек.

– Понравилось вино?

– Оно превосходно. Я уверен, что таких бутылок в Италии наперечет.

– Это длинная, почти криминальная история, – попытался внести загадочность официант.

– Да уж, Петру было непросто ее раздобыть.

Официанту пришлось присесть. Бармена, который без всякого насилия налил из заветной бутылки бокал вина, зва-

ли Петр.

Молодой человек улыбался, не пытаясь скрыть своей на-
смешки.

– Вы, вы... знакомы с Петром? – выдавил из себя офици-
ант.

– Почти. На входе в кафе доска, на которой написано:
«Наш бармен Петр сделает вам лучший коктейль в городе». А
дальше обычная дедукция, как говаривал Шерлок Холмс.

Официант облегченно вздохнул. Он не любил правоохрани-
тельные органы, которые все и обо всех знали. Но этот па-
рень своим открытым взглядом и естественными манерами
не производил впечатления принадлежности к ним. Офици-
ант, хотя и страдал приступами мизантропии и к людям от-
носился с большой настороженностью, вдруг захотелось по-
дружиться с ним. Ему захотелось поделиться с незнакомцем
самым сокровенным, отрыть ему, что ему безумно нравится
официантка Любочка, из-за которой он вот уже год страдает
в официантах, хотя закончил машиностроительный колледж
и курсы повышения квалификации и мог бы Да что там
говорить! И он махнул рукой.

И тут в его голове сама-собой возникла мысль: «Но ведь
ты ей тоже нравишься. Предложи проводить ее после рабо-
ты. Она не откажется». Это для бедного влюбленного было
слишком. Мало того, что сидящий перед ним парень обладал
необычными дедуктивными способностями. Тут еще в его
присутствии в голову лезли мысли, про которые никто, ни-

когда не узнает. Скорее, от отчаяния, чем в приливе смелости, официант на подгибающихся ногах подошел к Любочке, которая в это время выходила на веранду с подносом пива и пролепетал: «Можно я провожу тебя после работы?».

Что тут случилось, описать трудно. В хрониках заведения, которые, впрочем, никто не вел, но мог бы вести, могла бы появиться запись о том, как Любочка уронила поднос с дюжиной бокалов пива, раздался страшный грохот, посетители за столиками вздрогнули от неожиданности, а особо нервные девицы вскочили и стали отряхиваться, пытаясь стряхнуть несуществующие капли пива. Одним словом, это был самый запоминающийся вечер в кафе.

Более запомнился лишь вечер, когда в кафе били проезжего картежного шулера, который выиграл в «очко» полдюжины пива и фирменную закуску, а потом, расслабившись, рассказал обыгранным им юнцам, как он это сделал. Рассказ был убедительный, а шулерские приемы столь очевидные, что у юнцов не на шутку разыгралась обида и они не сдержали своих благородных порывов. Но это было в прошлом, а сейчас Любочка стояла на веранде, из глаз ее текли слезы, шум в кафе стих, не превратившись в скандал, все успокоилось. А заказавшие пиво его получили. И все завершилось, как в фильмах про любовь со счастливым концом.

Молодой человек с бокалом вина сидел один, по-прежнему легко улыбаясь. В глазах светилась доброта ко всем и каждому, на кого опускался его взгляд. Ему нравилось происхо-

дившее перед ним.

И тут над городом поплыл еле слышный колокольный звон. Звон раздавался из местного монастыря с самой высокой в городе колокольни. Поэтому звон его колоколов, особенно вечером в тихую погоду, как сейчас, обнимал всю бывшую Болховскую улицу и прилежащие окрестности. Казалось, что в это время памятник наверху бывшей Болховской признавал неверность своего тезиса: «Религия есть опиум народа».

В тот вечер в кафе случилось еще несколько событий, так и не получивших объяснения. Во-первых, официант, принесший бокал вина, отказался брать плату. Во-вторых, бармен обнаружил в своем шкафчике с элитными винами две странные, запыленные бутылки необычной формы с древними этикетками. Вчера, да что там вчера, еще сегодня их не было. Если бы он их увидел, то обязательно вытер с них пыль. Но они стояли, вызываясь пыльные, всем видом подчеркивая, что не обязательно ехать в Италию за необыкновенным вином. Оно может и само, при определенных обстоятельствах, оказаться в заветном шкафчике.

А молодой человек вышел с веранды и пошел вверх, с любопытством поглядывая по сторонам. Так он дошел до самого верха бывшей Болховской и тут ему на глаза попался памятник солидного мужчины, расположившегося на самом верху улицы. Памятник не выделялся своими художественными достоинствами, но очень гармонировал с окружением. Казалось, мужчина на постаменте вышел из массивного здания позади, в котором угадывалось казенное учреждение, и своей массивностью соответствовавшее солидности изваяния. Похоже было, что он взобрался на постамент, чтобы сказать нечто очень важное не только для себя, но и для проходящих мимо, но так и застыл с протянутой рукой, поразившись никчемности своей мысли перед открывающимся перед ним видом с парящими над городом куполами.

Направо располагалась гостиница. Молодой человек вошел в ее просторный холл и подошел к конторке администратора.

– Мог бы я остановиться в вашей гостинице? -поинтересовался он.

– Давайте паспорт и заполняйте форму гостя, – дежурно, скороговоркой произнесла администратор.

– Простите великодушно. Но у меня нет документов, – как-то растерянно произнес молодой человек.

– Как так? У каждого человека должен быть паспорт. Что же это за человек без документа. Это непорядок. Я не могу вас заселить,

– Вы знаете, в моей истории уже было нечто подобное. Когда я сорок дней, без крова провел в пустыне, – очень дружелюбно произнес молодой человек.

– Вы, наверное, геолог. Искали что-нибудь?

– В некотором роде.

– Ну и как, нашли.

– Да, нашел.

Тон администратора потеплел, в глазах появилось слабое подобие симпатии. На откровенную симпатию администратор была не способна. Должность не позволяла. Да и детство было трудное.

– Так вы командированный. Будете что-нибудь искать в наших краях. Ладно, так и быть, заселяйтесь. Возьму грех на душу.

– Вы знаете, мне нужен номер с кабинетом, предстоит много работы.

– Трехкомнатный люкс на втором этаже, номер 208, – совсем по-дружески, как хорошему знакомому, дружбу с которым она ценила, – произнесла администратор. И протянула ему ключ. Теперь, пожалуй, впервые за долгое время, она почувствовала настоящую симпатию. А может быть даже и больше! Женщина она была давно разведенная, молодо выглядящая. Кто знает женские сердца!

– Спасибо, – улыбнувшись, произнес молодой человек. Он взял ключ, изящно поклонился, и удалился, оставив после себя светлое чувство в душе администратора. И слово-то какое-то казенное – администратор. Нет, теперь она вновь превратилась в Людмилу Васильевну, а скорее даже – в Людочку, за которой еще в 9-м классе бегал первый красавец и умница 26-й школы Володька.

Спустя полчаса в гостинице возник странный, но сильный переполох, который никак не освещался в местных СМИ, но запомнился надолго всем ее работникам. Дело в том, что в гостинице несколько номеров облюбовали местные проститутки, превратив их в увеселительные заведения. Конечно же, род занятий постоялиц не был тайной для служивых, но девицы вели себя тихо, считали себя индивидуальными предпринимателями или даже самозанятыми (это уж по вкусу). А их клиенты были, в том числе, из местной знати. Поэтому, да и вообще по доброте душевной, выселять их никто не собирался.

И вдруг все, как одна, эти девицы с низкой социальной ответственностью, срочно собрали свои пожитки и в течение часа поспешно выселились. Делали это они серьезно, совершенно не улыбаясь, даже когда прощались с администратором. Хотя все ее хорошо знали и, более того, регулярно дарили ей разные безделушки, которыми их щедро снабжали мужчины из казенного заведения, расположенного позади памятника Вождю. Была даже какая-то отрешенность в их

взглядах. Будто бы вдруг они прониклись какой-то важной мыслью, не дававшей им покоя. Большинство из них подобрали дорогие лимузины. Переполох был большой, еще и потому, что гостиница лишалась самых дорогих своих постояльцев. Девушки занимали весьма дорогие номера.

На этом странности не закончились. На следующий день все бывшие постояльцы пошли устраиваться на работу. Оказалось, что большинство из них имели вполне нормальные специальности, а две даже были стоматологами с незаконченным высшим образованием. И все в тот же день были приняты, впрочем, с испытательным сроком.

А гостиница? Она недолго горевало по дамам легкого поведения, превратившихся во вполне нормальных работниц. Вскоре те же номера и с той же целью заняли чернокожие студентки местного университета, носившего имя классика литературы. Они приехали из дружеских стран Черного Континента и не хотели возвращаться в свои бунгало после окончания ВУЗа. А из общежития их вежливо, но настойчиво выселяли в силу успешного окончания ими курса наук.

В тот же вечер, но позже, молодой человек посетил Бого-явленский Кафедральный собор, где стоял справа, несколько вдалеке от немногих прихожан. Спустя час после его прихода, совершенно неожиданно храм наполнился светом, и откуда-то сверху зазвучал детский хор, хотя никаких детей в храме не было по причине позднего часа. Бывшие там прихожане и присутствующий здесь же священник, вначале замерли. А потом все, как один начали креститься и шептать: «Благослови, Господи!». Произошедшее было чудом, о котором уже на следующий день говорил весь город. Даже в оппозиционной газетке «Городская среда», издаваемой на средства известного предпринимателя, которую нельзя было читать регулярно из-за опасения напрочь испортить печенье, было отмечено это явление. Оно было подано, как несомненный знак того, что местная администрация дождалась кары небесной за безудержное воровство, и что голосовать за мэра на следующих выборах может только богохульник. Более того, в знак признания чуда, владелец газеты обязуется покрасить ограду храма и посадить памятное дерево на аллее старинного парка, раскинувшегося позади.

Следующие три выпуска оппозиционного листка были посвящены этому, разместив фотографии обещанного действия. Затем банку из-под краски, кисть и лопату с торжеством

перенесли в местный краеведческий музей, откуда местное телевидение провело дивный репортаж. Правда, в качестве экспонатов эти важные для города предметы не фигурировали. Директор музея был с большим чувством юмора и, проведя полноценную рекламную кампанию во время телерепортажа, быстренько унес их в запасник.

Надо сказать, что объемы запасника музея намного превышали объемы его экспонатов так, как любой мало-мальски значимый местный чиновник старался отметить свое пребывание на высоком посту помещением в краеведческий музей чего-нибудь существенного с его точки зрения. Там были даже портреты патриархов КПСС и КПРФ, в разные времена, стремительными болидами прочертившие местный небосклон и оставив неизгладимый след в памяти горожан. При редких посещениях города патриархи обязательно приходили в музей и долго стояли перед своими портретами, которые ради таких событий извлекали из запасников и протирали влажной тряпкой. Патриархов было много, и однажды случился казус, – портреты перепутали. И вместо правильного портрета повесили совсем другой, да к тому же субъекта, впавшего в полнейший маразм из-за публично высказанных сомнений в верности марксизма-ленинизма. Скандал был необыкновенный и дошел до Москвы. Но директор музея был человеком умным, и результат оказался самый благоприятный. Музей получил внеплановые инвестиции на ремонт и расширение запасников. С краеведческим

музеем всегда так получалось, его директор выкручивался из самых паскудных ситуаций.

Нечаянно узнав про это, директор Эрмитажа, не обладавший таким качеством, предложил ему переехать в Питер, где готов был назначить его заместителем по безопасности от глобального идиотизма. Но наш директор не захотел менять свой уютный домик на берегу реки на шумную столицу. Он любил свой город, любил его жителей, не всегда отвечающих требованиям морали и нравственности, иногда глуповатых, зачастую вороватых. Но он прощал эти грешки, не совсем логично оправдывая их выдержками из Ветхого Завета. Как он говаривал, с тех пор человек не изменился и предполок к этому не просматривалось.

Любаша – студентка худграфа местного университета имени классика Российской литературы, как ею было заведено в последнее время, допоздна засиделась в университетской мастерской. Она давно выполнила задание преподавателя и теперь писала что-то свое. Погрузившись в занятие, не замечала, что в мастерской была только она и профессор живописи, который тоже любил это вечернее время, когда шумные студенты разбегались, и можно было работать, в тишине и покое воплощая свои замыслы.

Любаша писала картину, которую она назвала «Ангел пролетел», хотя на ней не было ничего, что напоминало ангела. На картине был луг от края до края, но глядя на него, в голову приходило мыслить: «Это райское место». Такой выразительности она добивалась самыми скромными средствами. Но именно эта скромность позволяла увидеть на ее полотнах солнце в туманный день, или ангела, который никогда не забирался в эту провинциальную даль. Любаша готовила картину для выставки студенческих работ, и очень волновалась, что не успеет. Но сегодня она поняла, что больше не притронется к картине, все что хотела, она выразила.

Сегодняшний вечер был удачен и для Александра Валентиновича – профессора, руководителя мастерской, в которой числилась Любаша. Наконец-то он справился со своей

задумкой. Давно и безуспешно он пытался закончить полотно «Мост в деревне», где был деревянный мост, на нем мальчик с удочкой и собака у его ног. Он рисовал свое детство, но никак не мог добиться той выразительности, которую явно ощущал в предутреннюю пору, когда лежал без сна, представляя, как закончит картину. И вдруг, именно сегодня он увидел все так, как видел в детстве, и за десять минут завершил работу. Поняв это, он начал вытирать кисти, не отрывая взгляда от картины. Необыкновенное чувство удовлетворения, которое давно не посещало его, охватило Александра Валентиновича. Он даже хмыкнул от удовольствия, но потом спохватился, увидев, что в мастерской он не один. В дальнем углу работала Любаша.

Тихо, чтобы Любаша не обратила внимания, он открыл преподавательский шкафчик, достал заветную бутылку коньяка, налил рюмку, и уже хотел выпить, возблагодарив Господа за дарованную ему сегодня удачу, как вдруг внутренний голос произнес: «И ей налей! Похоже, и у нее сегодня праздник». Несколько удивленный тому, что внутренний голос толкает на не совсем моральный поступок, подумал, что праздник вдвоем – это лучше, чем в одиночестве. Поить студентов коньяком, да еще вечером в университетской мастерской было против строгих правил Александра Валентиновича, хотя слухи о подобных событиях циркулировали на худграфе. Естественно, с другими не столь моральными педагогами. Что-то подтолкнуло Александра Валентиновича, и он

налил вторую рюмку. Потом тихо приблизился сзади к Любаше, которая неподвижно сидела перед своей картиной. Любаша сидела к нему спиной, и не реагировала на его приближение. Увидев картину, Александр Валентинович обомлел.

– Люба, вы талант! Вы больше, чем талан! Вы – ангел, – тихо произнес он. Любаша обернулась, без удивления увидела протянутую рюмку коньяка, взяла ее, и произнесла: «Это, в том числе, и ваша заслуга!». Потом, как-то обыденно, чокнулась с ним, и они выпили. Это произошло настолько естественно, что Александр Валентинович, первое время был немного удивлен. Вообще-то со студентками вот так наедине, в мастерской коньяк он пил первый раз в жизни. Но что случилось, то случилось.

Любаша немного закашлялась, коньяк она пила первый раз в жизни и не знала как к нему относиться. Конечно, в общепитии универа они с подругами часто, быть может чаще, чем хотелось бы, пили вино. Но это были сладкие грузинские вина, которые они покупали неподалеку. Однако, коньяк был десятилетней выдержки (Александр Валентинович знал толк в коньяках) и его приятное послевкусие вернуло Любашу в нормальное состояние.

Немного возбужденная, чувствуя, что ее картина произвела впечатление на первого зрителя, она спросила: «Вы сотворили очередной шедевр? Я угадала?».

– Не знаю, не знаю. Но то, что сделал, мне нравится. По-

смотрите. Ваше мнение мне очень важно.

Оба, уже с пустыми рюмками, стояли перед деревенским мостом, под которым виднелась среднерусская река, мальчишкой в коротких не по росту штанах, собакой у его ног и заливающим все, ослепительным солнцем. От восхищения глаза Любаши округлились. Ее восхищение было настолько искренним, что Александр Валентинович понял, что он попал! И попал именно туда, куда метил. Это было не случайное попадание, которые бывают по прихоти судьбы. Оно было выстрадано, когда талант достигает той верхней точки, достигнуть которую дано не всем.

На глазах обоих вдруг навернулись слезы, которые можно было унять только еще одной рюмкой коньяка. А потом они долго говорили о многом, что заполняло их жизни. Пересказывать не будем, хотя беседа была чрезвычайно интересная даже для постороннего, не имеющего отношения к худграфу. Так могут говорить только два человека, которые вдруг явственно ощутили веяние Духа Божьего. Как ощутили его Апостолы в Пятидесятницу (по-нашему, Святая Троица), когда Дух Божий снизошел на них.

Вернувшись к себе в общежитие, Любаша поразила по-друг запахом коньяка и лицом, выражающим неземные чувства. Ее соседки по комнате были опытные во всех отношениях, поэтому ни о чем не спрашивая, отвели ее в душ, как следует потерли мочалкой и уложили спать. Александр Валентинович в большой задумчивости вызвал такси, указал

неправильный адрес и, после ряда приключений, все-таки попал домой.

Здесь его приветствовал внук, задав вопрос, когда же наконец он сдержит свое обещание, и они отправятся на рыбалку. Ему недавно подарили дорогую удочку, которую надо было испытать на протекающей в ста метрах от дома реке. Дед сказал, что хоть сейчас. Но произнес это странно. Его любимая жена сразу же поняла, что состояние мужа свидетельствует о том, что он создал нечто необычное, что не сможет оценить средний интеллект, и уложила его спать. Тем более, что к необычному виду добавился запах конька. Следовательно, решила она, создан шедевр, который потребовал всех жизненных сил. Поэтому муж требует отдохновения. Нельзя сказать, что Мариночка (так звали жену) привыкла к тому, что муж регулярно создавал шедевры. Но когда он в прострации возвращался домой, это был явный признак того, что из-под его кисти появилось нечто неординарное.

Но оставим Любочку и Александра Валентиновича. Каждому из них снился странный сон. Во сне им явился молодой человек в джинсах, голубой рубашке и кроссовках и, как ныне говорят, дико извиняясь, сказал, что созданные ими шедевры он на время изымает (слово-то какое казенное – изымает!) для своего кабинета. Но исключительно на время! Картины нужны для важной встречи, и он их обязательно вернет. Странно, но оба не возражали. Только Александр Вален-

тинович, как человек основательный и практический попросил, чтобы его картину вывесили в красивой раме. Он даже сообщил адрес багетной мастерской, где обычно заказывал рамы. Александр Валентинович выставлялся часто и понимал значение красивого обрамления.

Любочка не обратила никакого внимания на просьбу молодого человека, хотя обратила внимание на самого молодого человека. Было в нем нечто необыкновенное, чего нельзя было встретить среди студентов университета. Какая-то врожденная интеллигентность.

Ее товарищи по университету тоже ходили в джинсах, изредка в голубых рубашках, чаще в кедах, нежели в кроссовках. Но манеры, ох уж эти манеры провинциальной художественной элиты! Если на бывшей Болховской вы встречали подвыпившего, бородатого молодого человека, одежда которого покрыта разноцветными пятнами, то это был студент или выпускник худграфа, почитавший себя гением. И пока только случай не свел его с моделью, которую он превратит в провинциальную Монну Лизу. А что Монна Лиза была столичной штучкой? Нет, конечно.

Но модели, которых можно было превратить в Монну Лизу, ни одному выпускнику худграфа не встречались. Поэтому упомянутые субъекты в прежние времена пробивались плакатами «Пятилетку за три года», «Правильной дорогой идете, товарищи», потом «Даешь перестройку и ускорение», затем «Демократия и конституция». Закончилось это карти-

нами на вольные темы: русалка (естественно, обнаженная) в объятиях вурдалака, юная и нагая Баба Яга на помеле, и русалка со среднерусской возвышенности на кавказском нудистском пляже. Русалки и Баба Яга уходили влет. Поэтому выпускники стали изредка появляться в чистой одежде и новых кроссовках. А некоторые пересели на авто европейских марок. Но Монна Лиза художников игнорировала.

Когда на следующий день утром Любочка и Александр Валентинович пришли в университет, первым делом они поспешили в мастерскую, где на подрамниках оставили свои картины. Картин не было. Они повернулись навстречу друг другу и поняли, что видели один и тот же сон, одного и того же молодого человека в джинсах, синей рубашке и кроссовках.

– Хорошо, что я попросил его поместить картину в раму, – совершенно по-жлобски вдруг подумал Александр Валентинович. Потом устыдился и подумал, что не сможет воссоздать все, что сделал накануне. У Любочки были более светлые мысли: «Это моя первая персональная выставка. Хорошо, что ее увидят. Может быть, она понравится». Не разговаривая друг с другом, они раскланялись. Но осталось теплое чувство о вчерашнем вечере, о вершине, на которой они оказались вдвоем. Похоже, что это чувство сохранится у них на всю жизнь.

«Спасибо!» – ни к селу ни к городу вдруг возникла одна и та же мысль у обоих. Кто и кого благодарил было непонят-

но. Поэтому оба, несколько смущенные, направились к выходу. И тут опять случился казус. Любаша, как студентка, хотела пропустить вперед преподавателя. Александр Валентинович, как мужчина галантный, намеревался пропустить вперед даму, дабы полюбоваться ее профилем сзади. И они начали проявлять свою воспитанность, пока в дверь не ввалился бородатый художник с устойчивым запахом утреннего пива. Тут уж, забыв про воспитание и галантность, оба ринулись вон из мастерской. И понятно, что в дверях возникла давка преподавателя и студентки, из которой победительницей вышла студентка. Она вышла из мастерской после преподавателя.

Утром на работу в упоминавшееся массивное здание позади памятника Вождю, которое с самого начала было предназначено исключительно для высшего чиновничества и потребного для их деятельности офисного планктона, начали собираться работники. Очень ответственные, полуответственные и секретарши. Ответственные приезжали на персональных машинах, которые вызывали страх и трепет у постовых ГАИ. Полуответственные заходили в широкую дверь на своих двоих, оставив свои тоже не слабые авто на стоянке. Но секретарши, как правило, блондинки с длинными ногами и призывным взглядом, выпархивали из дорогих авто, демонстрируя вначале бесконечной длины стройные ноги, затем мини, а потом все прелести верхней половины тела. Излишне говорить, что последние вполне гармонировали с ногами и с маркой авто. Бросив в глубину авто: «Заедешь, как обычно», они скрывались за массивной дверью. Стоящие на входе охранники низко склонялись перед ответственными работниками, едва замечали полуответственных, и пожирали глазами прелести секретарш. Тут с ними следует согласиться, посмотреть было на что, и не только анфас, но и в профиль.

Одним из самых ответственных работников, пожалуй, самым ответственным во всей этой толпе, был Владимир

Игоревич. Его ответственность полностью подтверждала его секретарша Изольда Карловна, сопровождавшая Владимира Игоревича на разных постах уже второй десяток лет. Владимир Игоревич не променял бы Изольду Карловну ни на какое длинноногое чудо, хотя такие возможности представлялись часто. Изольда Карловна была не только грамотна, культурна и исполнительна. У нее был необыкновенный дар предсказания. Так за неделю до известных всему городу событий, она предсказала, что Светлана Петровна – начальник департамента образования области, уедет в Европу и не вернется. Более того, она примет благородную испанскую фамилию – Родригес-Сиерра. Поэтому, когда Следственный Комитет нагрянул в город с единственной целью, отвезти Светлану Петровну в Москву потому, что она проходила по делу государственной важности, им пришлось лицеизреть лишь пустовавший уже неделю кабинет. Или совсем недавний случай с начальником Департамента Строительства. Тот тоже исчез, и никто не знал куда. Лишь Изольда Карловна шепнула боссу про одного известного городского предпринимателя, его дачу, доставшуюся ему за бесценок, и его дружеские отношения с начальником департамента.

Такой человек нужен был Владимиру Игоревичу по одной, но очень важной причине, которая характеризовала его полностью. Вовочка по жизни был великим путаником. В детском саду он путал свою уже пустую тарелку с полной тарелкой Машеньки. Когда воспитательница делала ему за-

мечание, Вовочка, потупив глазки, говорил: «Марьянна, я перепутал». Ну что тут будешь делать! Перепутал мальчуган, и все. И Марьянна, отобрав у Вовочки Машенькину тарелку, давала ему добавки.

Путать в свою пользу его научили дома. Мама всегда говорила, что ничего страшного нет, если ты, Вовочка, что-то перепутаешь. Но так, чтобы у тебя от этого чего-то прибавилось. Такая путаница вполне нормальная и допустимая. Путать в обратную сторону, когда нечто достается другим, а тебе ничего – признак глупости. Вовочка был послушным мальчиком и усвоил это хорошо.

В школе Вовочка регулярно путал свою тетрадочку хронического троечника с тетрадочкой соседки Лидочки – хронической отличницы. Путал тетрадки по математике, когда списывал у Лидочки домашку и контрольные, по русскому языку, когда косил глазом в соседскую тетрадь на диктантах. Вовочка путал не только свои и Лидочкины тетрадки. Его острый глаз побывал в тетрадках всех отличников и хорошистов. Когда его уличали в том, что он списал у другого вместе с его ошибками, Вовочка, потупив глазки, оправдывался: «Я перепутал». И этот понурый вид, и нелепое «Перепутал» не могло не вызвать жалости. Вовочку прощали и это было индульгенцией на будущие грешки. Путаник с годами креп, как и крепла его уверенность в могущество мантры «Перепутал».

Окончив школу, Вовочка понял, что крайне важно иметь

документ о профобразовании, лучше вышем. И, всеми правдами и неправдами, он поступил в ВУЗ, с целью добыть себе диплом. Какая там будет указана специальность его не интересовало. То ли он станет животноводом, то ли агрономом, – не важно. Основная цель – конкретные корочки.

В институте Вовочка не особенно напрягался с занятиями. Но вот общественной деятельностью он занимался серьезно, прекрасно понимая, что агрономов и животноводов несть числа, а общественные деятели – наперечет и все на виду. Это с одной стороны. А с другой, что может перепутать агроном или животновод. Ну разве что просо с турнепсом, или быка с мерином. В результате такой путаницы ему ничего не достанется, кроме нагоняя от начальства. А вот общественный деятель, облеченный властью, может многое перепутать с конкретной выгодой для себя. Например, финансовые потоки. Так, чтобы в результате чуть-чуть утяжелился его карман. Пусть самую малость. Для начала Вовочка соглашался и на это.

И Вовочка начал делать карьеру «общественника», забыв поля с турнепсом и корма для животных. Не торопясь, он карабкаться по административной лестнице, делая все основательно, так как понимал, что базис должен быть крепким. Тогда и здание не развалится от дуновения ветра. Да что там дуновения! Урагана! Как видим, он мыслил стратегически, что выдавало в нем прирожденного стратега.

Сколько же на Руси таких не состоявшихся агрономов и животноводов, которые избрали стезю стратегов собственных карманов! И терпит ведь Русь!

Но вернемся к Вовочке. Со временем он достиг положения, когда путаница материальных и финансовых потоков стала привычкой. Он уже не отделял свой карман от государственного. Ну разве что государственный побольше, а свой – поменьше! Это, конечно, крайне обидно и несправедливо. Но такова жизнь! Ведь рядом с Вовочкой плечом к плечу стояли такие же стратеги. Им тоже должно что-то достаться. И Вовочка мирился с такой несправедливостью. Он умело путал направление материальных и финансовых потоков только одним своим телефонным звонком. И все очень хорошо понимали прелесть таких взаимоотношений. Никакой ответственности и все, что ты хочешь – вот оно. Нужно только произнести магическое: «Перепутал».

Последней путаницей Вовочки (хронологически, но не последней в жизни, так как Вовочка – вечен, как Вечный Жид) стала путаница улиц. Дорожники, вместо того чтобы положить асфальт на одной улице, где в грязи утонули три легковушки, и бесследно исчез трактор, пытавшийся их извлечь, положили его на совсем другой. Эта улица была ничем не примечательна, кроме одного. Там жила Вовочкина теща, которую он безмерно любил и старался угодить во всем.

Дело дошло до верхов. Верхи погрозили перстом и произнесли короткое: «Ай-ай-ай! Ну ты придумай что-нибудь».

Вовочка не подал в отставку, не стал каяться, признавая факт злоупотребления властью. Потупив взор, он лишь произнес: «Перепутал». И удивительное дело! Сработало! Верхи подхватили: «Вот видите! Перепутали ведь!». И всё, проблема закрыта.

Абсурд, нонсенс, чепуха, белиберда! Но на Руси работает. Помните унтер-офицерскую вдову. Так она себя действительно высекла. Вот и следы на ее круглой попке. Есть следы, следовательно, сама!

Испереживавшегося по поводу этого мелкого во всех отношениях инцидента Владимира Игоревича успокоила Изольда Карловна. Её внутренний голос сказал, что политическая обстановка в стране и в мире не та, чтобы устраивать из этого показательную порку. И в мягких тонах донесла это до босса. Босс отблагодарил ее. Придя утром на свое рабочее место, Изольда Карловна обнаружила на своем столе шикарную хрустальную вазу с необыкновенным букетом.

Все секретарши завистливо смотрели на это чудо. Хотя сама Изольда Карловна была против такой помпезности. Она опасалась, что от подарков пропадет ее дар пророчества. Остальные секретарши так не считали и на следующий день на их столах тоже красовались хрустальные вазы с букетами. В конце концов это стало нормой. Отсутствие на рабочем месте Изольдушки букета, было признаком затишья местной прокуратуры. А если букеты расцветали, то значит прокуратура, вопреки всем договоренностям, скорее по указке

свыше, пошла в наступление. Тем самым, букеты были выразителями тревожности ответственных и полуответственных чиновников. Чем больше тревожность, тем шикарнее букеты. Это как жертва за уже совершенные или еще не совершенные, но предстоящие грехи. Что поделаешь! На Руси принято: грехи и кайся!

Впрочем, Изольда Карловна, подтвердив свой дар пророчества на паре мелких дел, успокоилась, и принимала букеты вполне равнодушно, и не только от босса. Желавших узнать свою судьбу в этом казенном здании было превеликое множество.

Внук забрался на колени деда, когда тот читал толстенную книгу, и потребовал: «Дед, расскажи, как все было раньше, когда не было компьютеров и мобильных. Наверное, страшно скучно было?». Дед улыбнулся: «Скучно мне никогда не было. Всегда были книги, школьные друзья, товарищи во дворе».

– А что было самое интересное?

– В разное время по-разному.

– Ну тогда, когда тебе было столько же лет, сколько мне сейчас?

Дед улыбнулся, вспомнив что-то очень приятное. И начал повествование.

– В моей жизни дядя Вася олицетворяет целую эпоху, которую зовут детство. Он был директором местного Кукольного театра, – места, посещение которого для каждого ребенка было незабываемым событием. Кукольный театр располагался в старом здании на Посадской улице, которое уцелело во время войны. В представлении ребенка он был неотъемлемой частью культурно-образовательного оазиса, сосредоточенного в этом месте. Напротив располагался Драматический театр к задней части которого прилепилось двухэтажное здание. В нем при царе располагалась гимназия, а во времена моей юности – ремесленное училище. Налево был ки-

нотеатр Октябрь, тоже в уцелевшем от войны здании. Направо – моя родная 26-я школа. Здесь я учился в начальных классах. Потом на месте школы построили кинотеатр, вместо старого Октября. Его тоже называли Октябрь. Так в памяти старожилы и остались два Октября: старый и новый.

– Я жил неподалеку от этого оазиса и часто его посещал. Каждое воскресенье – обязательно, по будням – с разрешения родителей при условии выполненных домашних заданий. Но дядя Вася и его театр остались в памяти, как олицетворение чего-то совершенно необычного, что можно сравнить только со сказкой. Это и была сказка, потому что каждый спектакль в кукольном театре был сказочным. Не знаю, кто делал куклы, но в моей детской душе они запечатлелись как произведения искусства. До сих пор перед глазами стоит джин, выскакивающий из бутылки в спектакле «Лампа Алладина». Он был высок – под самый потолок зрительного зала, его подсвечивали красным, одежды развивались в разные стороны, и для моей детской души это было большим испытанием. Помню после этого спектакля я еще долгое время проверял под кроватью нет ли там этого страшного джина. Который, впрочем, был достаточно добрый. Но доброта его поступков никак не вязалась с диковатой внешностью. Моя детская душа была потрясена.

– Дядя Вася любил нас – детей, приходящих к нему на спектакли. По прошествии многих лет, я понял, что и кукольный театр был для него выражением любви к детям.

Этот человек пережил трудное военное время и вынес отсюда, что самое важное для человека есть Любовь. И всю свою жизнь он посвятил этому чувству.

– Всегда в окружении детей, с которыми он вел бесконечные взрослые разговоры. Ведь любовь неотделима от уважения к маленькому люду, который не доставал ему даже до пояса. Дети толкались вокруг, пытаясь прикоснуться, взять за руку, сделать так, чтобы дядя Вася обратил на них внимание. Эта любовь была взаимной, она обогащала всех. И каждый уносил ее частицу домой.

– Впрочем, дядя Вася увозил эту частицу на своем старом москвиче, всегда стоявшим перед театром, когда там были спектакли. После спектакля дядя Вася никогда не уезжал сразу. Был заведенный ритуал, когда в его машину набивалось несметное количество детей, и он катал нас по Комсомольской улице. Счастье от этого было ничуть не меньше того, которое я испытывал, когда выходил из темного зала на свет со слегка кружащейся головой. Так мы – дети той поры приобщались к культуре усилиями великого подвижника – дяди Васи.

– Сейчас напротив здания бывшей гимназии выстроены в ряд много бюстов ее учеников, которые оставили после себя память в России. В своем большинстве, для нынешнего обывателя с его культурным и образовательным уровнем они представляют собой нечто абстрактное, как параграф в школьном учебнике истории. Выучил, ответил и за-

был. Однако, напротив, на другой стороне Посадской улицы располагается нерукотворный монумент, который воздвигнут в моей душе в память о человеке, который олицетворял Любовь к детям. И сделал мою душу лучше и чище. Это монумент дяде Васе.

И дед произнес, но уже не вслух, а про себя: «Господь мой! Сколько же таких нерукотворных памятников осталось в городе в память о незабываемых учителях, артистах, библиотечаршах, руководителях кружков и секций. Они формировали мою душу, мое отношение к жизни, Родине. И каждому из них прими, Господи, мою искреннюю благодарность!».

Внук был ошарашен серьезностью и поэтом проникновенностью рассказа. Он ожидал нечто иное. Например, как дед копался в развалинах зданий, оставшихся после войны, и находил там оружие, патроны и военную амуницию. Этих историй у деда было множество. Но то, что внук услышал сегодня, пришлось ему по душе. Настолько, что он ни разу не перебил деда.

Тут их позвали ужинать и лучшие друзья: дед и внук, рука в руке пошли на кухню.

В холле гостиницы в этот день было многолюдно. Здесь собрались участники Международного Симпозиума по наследию И. С. Тургенева. Тут и там соперничающие школы сталкивались в яростных спорах. Спор научных школ напоминает битву. Ни одна не признает своего окончательно поражения. Может только строго указать, что в каком-то частном вопросе ее неверно истолковали. Но капитуляция позиции, да еще, где – на Симпозиуме! Никогда! Лучше почетная смерть!

Солидные мужчины, молодящиеся научные и околонуучные дамы, даже молоденькие аспиранты и аспирантки не жалели красноречия, отстаивая свои взгляды. Диспуты велись круглосуточно. Начинались в зале заседаний Симпозиума и продолжались всюду, где встречались хотя бы двое из разных научных школ. Симпозиум приветствовал один из самых высокопоставленных чиновников города, тем самым наделив его высоким статусом.

Чиновника в городе не любили. Всем было интересно, когда же его посадят. Это было не только интересно, этого с нетерпением ждали. Ходили слухи, заключались пари, о сроках спорили до мордобоя. Но он не унывал, так как барометр Изольды Карловны на ближайшие полгода устойчиво показывал штиль. На открытии Симпозиума очень аргу-

ментированно объяснил, что наследию местных писателей, а также пляжному волейболу необходимо уделять самое пристальное внимание. Первое врачует душу, а второе – тело. Душа присутствует здесь, в этом прекрасном зале, а фрагменты тела видны в окно. Термин «фрагменты тела» всех напугал, некоторых наиболее чувствительных это потрясло почти до обморока. Все разом повернулись к большому окну и увидели площадку для пляжного волейбола на центральной площади города перед тем самым памятником с плотным мужчиной.

Проходя мимо, участники Симпозиума (некоторые из которых прибыли из самого Парижа) были в недоумении по поводу кучи песка и натянутой над ними сетки. К слову, Лондон и Вашингтон проигнорировали Симпозиум по причине острой русофобии. Теперь участники поняли глубочайший замысел администрации города! Куча песка символизировала единение души и тела. Душа пребывала в прохладном зале, а тело должно было на жаре швырять через сетку мяч. Участники Симпозиума, подивившись мудрости властей, решили, что это правильно. В здоровом теле – здоровый дух! На какое-то время это единение мнений даже снизило накал страстей среди дискутирующих, что было отмечено грандиозной выпивкой в ресторане при гостинице.

Машенька – официантка из ресторана сладко спала в своей девичьей кровати. Вчера она так набегалась, обслуживая гостей Международного Симпозиума, что не слышала бу-

дильника. Будильник пропел свою мелодию раз, второй, третий. Потом пригорюнился и замолк. Маша спала, хотя именно она должна была сегодня открывать двери ресторана перед гостями гостиницы.

И вдруг в ее девичьем сознании вначале забрезжила, а потом все отчетливее начала пробуждаться мысль, которую вчера внушил ей администратор ресторана. «Учти, Марья. Если этих – он указал в зал – не накормить, то жди беды. Ты же знаешь какое у нас международное положение!». Вот вчера Машенька и крутилась как волчок. К концу вечера ноги просто отваливались. Симпозиум международный, поэтому вначале участники пили и ели по международным стандартам. Ну а потом к месту пришелся и портвейн, который администратор прятал в подсобке от надзорных органов. Сам он его никогда не пробовал и друзей не угощал. Но тут такое событие – Международный Симпозиум! И поэтому, когда закончились марочные и ординарные вина, в ход пошел заветный напиток.

В это утро участники Симпозиума с помятыми лицами собрались на завтрак в холле гостиницы. Ресторан не подавал признаков жизни. Машенька – спала. Дверь в ресторан – заперта. Вновь завязались споры между научными школами. Но велись они не доброжелательно. Просматривалась какая-то необъяснимая, острая вражда, которой раньше не было. Возможно, это объяснялось тем, что все были голодны и испытывали острую жажду. Согласитесь, что, привыкнув

к изысканным винам, завершать вечер местным портвейном, это диссонанс.

И никто не запомнил, когда вдруг все стали разговаривать на повышенных тонах. А одна молоденькая аспирантка, утирая кулаком слезы, схватила за лацканы пиджака своего научного руководителя и закричала ему в лицо: «Я тебя заставлю платить алименты!». Стоящая рядом жена профессора с тихим стоном сползла на пол в обмороке. Все бросились спасать потерпевшую, началась давка научных сотрудников из разных регионов Европы. Которая, очень естественно переросла в самую обычную драку. Вы ведь знаете, чтобы началась настоящая русская драка нужен самый ничтожный повод. А здесь поводов было не счесть: международное похмелье, голод и отсутствие элементарного бокала пива для поправки. Ну разве этого мало!

А Машенька спала.

Тут на лестнице, ведущей в холл, появился вчерашний молодой человек, медленно спускающийся вниз. Увидев литераторов, занятых непотребством, да еще в присутствии обморочной женщины, его брови поползли вверх. Судя по всему, молодой человек самой своей внешностью испускал флюиды миротворства. Потому что оппоненты вдруг осознали, что их неадекватное поведение определяется лишь потусторонними силами, которые никак не совместимы с исследованием творчества классика русской литературы. И драка тотчас прекратилась. Всем стало даже немного стыдно, ну

самую малость. Хотя разногласия не исчезли, но переключались в более мирные кулуарные споры.

Наконец, появилась запыхавшаяся и долгожданная Маша. Двери ресторана открылись, все уселись за столы и жаждущие получили по заветному бокалу холодного пива.

Молодой человек тоже устроился в одиночестве за столик, попросив дежурную яичницу и чаю. Он по-прежнему очень внимательно наблюдал за окружающими его и значительно подобревшими литераторами. Нельзя сказать, что он выражал откровенные знаки симпатии, но и антипатии в его взгляде не было. Ему было интересно наблюдать за этими людьми. Казалось, он старался понять, что же внутри каждого из них. Кроме того, что они принадлежали к когорте литераторов. Однако, вскоре осознал, что никаких новых, интересных сведений от этого наблюдения не почерпнет. Ну люди, как люди. Особенно после второго бокала пива и плотного завтрака.

Маша, наверное, чувствую вину за произошедшее, о чем ей рассказала повариха Фариза, совершенно бесплатно наделила молодого человека пирожным, которое тот с аппетитом съел.

Нюра была горничной второго этажа гостиницы, где располагались самые дорогие номера. Сегодняшним утром занятым оставался только один трехкомнатный люкс. Его занимал молодой человек, ничем не выделявшийся. Он не был артистом, бизнесменом или командировочным с Севера. Нюра повидала их немало и легко могла отличить артиста от бизнесмена, а бизнесмена от командировочного. Обычно в люксе с утра был стойкий запах перегара, везде валялись бутылки из-под дорогих вин и коньяков, на креслах и даже на полу валялась вперемешку мужская и женская одежда, а ее владельцы вповалку лежали на всем, на чем можно было прикорнуть. Девушки всегда были местные из номеров третьего этажа, который так и назывался девичьим. Нюра лишь заглядывала в номер, если он не был заперт, убеждалась в его противопожарной безопасности и шла дальше.

Но сегодняшним утром все было необычно. Ключ от номера был у администратора, которая почему-то настойчиво попросила получше прибрать номер, как она сказала «геолога». Нюра даже удивилась этой просьбе. Она была девушка деревенская и к своим обязанностям горничной относилась серьезно. Свою работу она любила, а форму горничной обожала. До переезда в город, который произошел, как считала Нюра, по счастливому стечению обстоятельств, Нюра ра-

ботала птичницей, и ее тогдашний халат кардинально отличался от теперешней формы. Несмотря на то, что Нюра регулярно его стирала, он был удручающе серого цвета с въевшимися пятнами птичьего помета. Но даже и в этом халате она выделялась своей здоровой, деревенской красотой. Эта деревенская красота и привела ее в гостиницу, где ее с удовольствием определили в горничные. Нюра прижилась, вопреки сложившейся традиции, согласно которой горничные больше двух-трех месяцев не задерживались. Некоторые увольнялись сами, стремительно соблазнив выгодного постояльца и выйдя за него замуж, большинство увольняли за нарушение нравственных устоев. Нарушать нравственные устои дозволялось только жилищкам с третьего этажа, которые за это хорошо одаривали персонал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.